

МОРАЛЬ. ПОЛИТИКА. ОБЩЕСТВО

Р.Э. Бараш, А.Ю. Антоновский

СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ, ИЛИ КАК ВОЗМОЖНА НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ ПРОТЕСТА*

Бараш Раиса Эдуардовна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Федеральный Научно-исследовательский Социологический центр РАН (Институт социологии РАН). Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 5; научный сотрудник АНО «Институт логики, когнитологии и развития личности». Российская Федерация, 107140, Москва, Леснорядский пер., 10, стр. 2; e-mail: raisabarash@gmail.com

Антоновский Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: antonovski@hotmail.com

В статье анализируются причины и формы современного протестного движения. Особенное внимание уделяется теоретическому языку описания протестного движения, а также изучению социальных функций и дисфункций протеста, исследованию связи внепарламентского активизма с традиционными институтами современного общества. Авторы также задаются вопросом о специфике российского протеста в контексте мировых социальных движений. Обосновывается, что новые типы самоорганизации базируются на новых коммуникативных медиа и технологиях (в том числе социальных), ранее недооцениваемых социальными теоретиками. В работе осуществлена попытка представления социально-философской концептуализации протестного движения в рамках широкого коммуникативного подхода. В работе ставятся вопросы о субстанциальности протестного движения: является ли оно *интерактивной ризоматической сетью* или *формой коллективного действия*? Является ли такое коллективное действие следствием изменения *коллективного сознания* и должно ли тогда рассматриваться как производное от множества девиантных мнений и полаганий? Следует ли рассматривать протест как новую разновидность политического конфликта? Можно ли понимать протест как форму коллективного творчества или его следует истолковывать как новую форму укоренения новообразованных и трансформации устаревших институтов? Можно ли усмотреть в протесте некую обновленную форму реализации так называемого гражданского общества? Отрицательно отвечая на эти вопросы, авторы выдвигают тезис о признании в качестве существенной и радикально новой черты протеста его характер неинституционализованной, неорганизационной, неполитической, внепарламентской формы решения общественных проблем.

Ключевые слова: протестное движение, социальная теория, коммуникация, общество

* Статья подготовлена при поддержке Российского Научного Фонда, проект № 17-78-10238, «Новые формы общественной коммуникации и радикализм в условиях информационного общества. Системно-коммуникативный анализ».

Введение

Производство и распространение радикальной протестной коммуникации является серьезным вызовом современному обществу. При этом понимание причин формирования радикальной протестной идеологии¹ представляет и теоретическую проблему. Ее осмыслению препятствует очевидный дефицит социально-философской рефлексии протестной коммуникации, которая все еще воспринимается как некая аномалия, девиантность или аномия, т. е. как нечто ненормальное, а-социальное и в этом смысле – парадоксальное; нечто, что сущностно характеризует современное общество, но одновременно является чем-то внешним и противостоящим последнему.

Появление радикального протеста в 1960-е гг. не укладывается в традиционные рамки социальной теории. Такая радикализация не объясняется функционалистскими подходами к коммуникации, интерпретирующей ее «катализ» через символические медиа или мотивы ее распространения (власть, веру, деньги и т. д.). Не укладываются новые формы протеста и в концепт коммуникативного дискурса, рациональность которого принято² выводить из ресурсов самого «чистого» языка, будто бы способного препятствовать внешней экспансии «чуждых» ему так называемых *инструментальных* (прежде всего административных и хозяйственных) мотиваций. Ведь протестная коммуникация мотивирована *собственной* тематической фразеологией, собственным протестным языком и, будучи сосредоточена на протестном активизме и не являясь экспертной системой, не считает своей задачей предложение рационального решения обсуждающейся проблемы.

Не объясняется современный протест и распространенными ныне неопутилитаристскими подходами, интерпретирующими новые формы общения ссылкой на возникающие таким образом ресурсы, способные максимизировать индивидуальную или коллективную «прибыль» и минимизировать издержки³.

Объяснение генезиса и динамики протеста требовало анализа специфичных функциональных систем, использующих особые коммуникативные медиа и «программы», которые и определяют *коммуникативный успех*. Такие программы обеспечения коммуникативного успеха и нейтрализации рисков отклонения запросов на контакт до некоторой степени имеют *валютино-нейтральный* характер в том смысле, что могут как порождать позитивные и модернизационно-ориентированные инновации, ожидания и новые формы самоорганизации, так и способствовать распространению деструктивных идей.

Поэтому важнейшей исследовательской задачей становится методологически обоснованное различие (по символическим медиа, генезису, типам дискурса и т. д.), с одной стороны, радикальных и экстремистских форм, а с другой – новых форм политического участия и самоорганизации, ориентированных на реальные общественные перемены и модернизацию.

¹ Начало формы современного системного (т. е. регулярно воспроизводимого, а не эпизодического) протеста принято датировать 1960 гг.

² *Habermas J. Protestbewegung und Hochschulreform. Frankfurt am Main, 1969.*

³ Если, конечно, «страдание за другого» не рассматривать как специфический способ получения индивидуальной «прибыли».

1. Ресурсно-мобилизационный vs структурно-критический подходы к объяснению протеста: *political opportunities / structural problems*

Мы не сможем решить поставленные задачи (различения «приемлемого/неприемлемого» протеста и соответствующих «приемлемых/неприемлемых» программ протестной коммуникации), не ответив на классический социально-теоретический вопрос о гипотетической связи *макросистемной* каузальности (по типу: «протестантизм порождает капитализм», «капитализм порождает современную науку и технику») и фактических социальных причинных связей (по типу: «психический мотив генерирует социальное действие, коммуникативный акт рождает коммуникативный ответ»)⁴. Применительно к протесту это предстает в виде следующей проблемной *дилеммы*:

1. Делают ли *макроструктурные деформации* (скажем, исчезновение традиционных социальных институтов или профессий) или, напротив, позитивные *макроизменения* (увеличение свободного времени, новые виды дохода и т. д.) возможным коллективный протест и появление специфических протестных мотиваций: прежде всего таких новых видов алармизма, как страх потери идентичности (женской, национальной, культурной и т. д.), страх экологических катастроф и т. д.?⁵

2. Или, напротив, аккумуляция массивов индивидуальных протестных акций является причиной макроизменений: появления *новой коммуникативной системы протеста*, в свою очередь, обратно воздействующей на традиционные макроструктуры (капиталистическую экономику, либеральную политику, экспертно-замкнутую науку), ограничивающие их автономию, если не произвол?

Эта фундаментальная проблема взаимной детерминации *система/коммуникация* по-разному решается в рамках двух конкурирующих подходов: структурно-критическом⁶ и ресурсно-мобилизационном⁷.

С точки зрения *ресурсно-мобилизационного* понимания протестной активности в случае кризисной ситуации можно «играть на понижение». Общий экономический, социально-политический и культурный кризис ухудшает положение соответствующего истеблишмента, традиционных институтов, организаций, включая все формы представительной и делиберативной демократии, на которые накладывается ответственность за неисполнение их

⁴ Ответ на эту проблему в рамках неоутилитаристского дискурса см.: Coleman J. Weber and the Protestant Ethic. A Comment on Hernes // Rationality and Society. 1989. No. 1. P. 291–294.

⁵ Здесь укажем, что алармизм (страхи и опасения) является не психологической, но скорее социальной диспозицией, поскольку объединяет сообщество «боящихся» и «страдающих» за Другого (к примеру, за голодающих в Африке, безработных в США и т. д., при том что сами члены сообщества очевидно не голодают и не являются безработными).

⁶ New Social Movements Approach представлен в работах А. Турена, Э. Лаклау, Ш. Муффа, К. Оффе, И. Валлерстайна, М. Кастельса. Основная идея данного подхода состоит в том, что некий слабо организованный «новый средний класс» приходит на смену хорошо организованному (в профсоюзы, партии) «низшему, подавляемому классу». При этом основными «агентами» протеста выступают не члены организации, а «сочувствующие». Цели и задачи такого рода движения состоят не в экономических и социальных изменениях, а в защите (изменении) образа жизни, типов идентичностей, культуры и природы.

⁷ Сторонники данного подхода (как пример см.: McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Camb., 1996. P. 141–151) рассматривают протестные организации как своего рода квазиэкономические институты, вступающие в конкурентные отношения за ресурсы с другими институтами.

«патерналистских» функций. Это увеличивает шансы новых «организаций» и «форм социальности», которые и образуют ресурс для их лидеров в достижении успеха встраивания в *наличные* структуры общества (должностные иерархии во всех сферах – хозяйстве, политике, науке, церкви, массмедиа). Вспомним, что Йошка Фишер именно благодаря электоральной поддержке экологического движения получил пост вице-канцлера.

Структурно-критический подход, напротив, исходит из тезиса о том, что структурные деформации и проблемы общества (в первую очередь связанные с местом протестующего агента в экономическом производстве и распределении) каузально воздействуют на психику (через разочарование, депривации и поиски действенного выхода ради преодоления этих психических состояний). Именно эти психологические состояния затем мотивируют участвовать в протестной активности. Однако здесь возникает проблема разрыва фактической каузальности, ведь вовсе не те, кто фактически страдает и соответственно депримирован, участвуют в протестной деятельности и мотивированы трансформировать общественные институты.

В то же время этот разрыв причинной связи *мотивация/действие* на нижнем этаже каузальной схемы хорошо объясняет очевидную системно-коммуникативную *автономию* протеста, т. е. то обстоятельство, что появившийся однажды протест уже невозможно нейтрализовать извне при помощи некоторой инструментально-рациональной калькуляции, скажем, перераспределением ресурсов в пользу представителей тех или иных движений или сочувствующих; его нельзя «купить», запретить или «запугать», т. е. применить инструментальные (экономические и административные) медиа, поскольку сами голодающие и страдающие от несправедливого распределения ресурсов не являются его участниками. Реальная потребность (травма, голод, недореализация, невостребованность и непризнанность) репрезентирована *лишь символически*, но не переживается «реально» агентами протеста.

2. Феноменология протеста в коммуникативном измерении и его теоретическая концептуализация

Большую или меньшую ясность в определении границ протеста как системы коммуникации можно получить в *пространственно-временном, предметном и коллективно-личностном измерении этого явления*⁸: относительно четко определяется конкретное время и место концентрированной протестной коммуникации (митинги, демонстрации, публикации, заседания); известен стандартный реестр тем или *предметов* протестной коммуникации; в каждом случае хорошо определено «сообщество рекрутированных» и соответствующее «сообщество-враг». Это позволяют рассмотреть реестр ряда эмпирически-фиксируемых типов по основаниям: *тема /сообщество/ враг*.

- ухудшение экологии /экологическое движение/ конкретное предприятие или отрасль промышленности;
- гендерное неравенство /феминизм/ мужчины;
- расовая дискриминация /антирасовые выступления/ WASP;
- ультраправая идеология /антифашизм/ неонацисты;
- государственный произвол /движение правозащитников/ чиновники;
- локальное обнищание /антиглобализм/ международные корпорации;

⁸ Соответствующую методологию см.: Антоновский А.Ю. Социоэпистемология. О пространственно-временном и коллективно-личностном понимании общества. М., 2011.

- неолиберализм /движение коммунитаризма/ идеология индивидуализма;
- мировая конъюнктура /движение фермеров/ сельхозкорпорации;
- сексуальная дискриминация /ЛГБТ-движение/ традиционалистские ценности;
- «пиратское» движение /приватизация публичных благ/ правообладатели;
- гонка вооружений /движение за мир/ ВПК;
- образовательная политика /студенческое движение/ профессура и менеджмент образования;
- безработица /движение безработных/ работодатели;
- отсутствие социальных лифтов /молодежные субкультуры/ устоявшаяся социальная структура;
- голод и бедность в развивающихся странах /движение в поддержку стран третьего мира/ колонизаторы-универсализация культур;
- национализм /пренебрежение к национальным идентичностям/ имперский центр-колонизаторы.

Таким образом, можно говорить о некотором единстве в понимании таксономии протеста. Хотя, безусловно, существует и региональная специфика протестных движений. Так, в России имеет место уникальное движение протеста, предметно кристаллизующееся вокруг темы недофинансирования научных исследований.

3. Функционально-каузальный и субстанциальный уровень анализа протеста

Но если от уровня эмпирической фиксации в пространстве означенных измерений (тематического, пространственно-временного и социального) перейти к теоретическому (функциональному и каузальному анализу), если попытаться разобраться в нормальных и аномальных формах протестного движения, то очевидными станут значительные теоретические трудности.

Среди исследователей не наблюдается единства в определении функции протеста, что, конечно, может означать и отсутствие такой функции. Но и этот тезис требует обоснования. При этом в качестве функций протеста могут предлагаться прямо противоположные: защита традиционных ценностей и внедрение и нормализация новых ценностей. Интересно определить, что же представляет собой протестное движение субстанциально: является ли оно *интерактивной ризоматической сетью* или *формой коллективного действия*? Состоит ли его функция в преодолении системных границ (наблюдения) традиционных социальных систем (политики, науки, экономики) как наблюдателей первого порядка, неспособных наблюдать свойства и характер собственного наблюдения и фиксировать собственную наблюдательную ограниченность (слепое пятно наблюдения)? Или, может быть, в движениях протеста наконец обнаруживаются те самые реальные коллективы-носители органической солидарности, которые тщетно искал Дюркгейм?

Практически каждая вышеозначенная теоретическая возможность интерпретации протеста находит своего адепта. Так, *Ален Турен* рассматривает движение протеста как коллективное усилие по *культурной легитимации* новообразованных норм и ценностей при обязательном условии наличия противников таковой легитимации⁹. *Чарльз Тилли* усматривает функцию

⁹ *Touraine A.* An introduction to the study of social movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 749–787.

протеста в возможности выдвижения *коллективных требований* к целевой аудитории, прежде всего к официальным лицам, – требований, которые получают некоторую дополнительную поддержку в виде соответствующих «перформансов» (митинг, медиапубликация, демонстрация)¹⁰. Мануэль Кастельс рассматривает протест как «целесоориентированное коллективное действие» в рамках «сетевого общества» с функцией изменений «ценностей и институтов», в том числе посредством «информационной герильи»¹¹. Рон Айерман и Эндрю Джэймисон считают функцией протеста создание «импульсов для коллективного творчества по формированию и предложению в распоряжение более широкого сообщества идентичностей и идеалов»¹². С точки зрения Дэвида Мейера, протест необходим как ресурс для оппозиции, использующей дополнительные – внеинституциональные – формы давления, выступающие в виде неожиданно открывающихся для нее перспектив (*political opportunities*)¹³. Альберто Мелуччи, некоторым образом солидаризируясь с Хабермасом, утверждает, что протестное движение порождает новые формы солидарности и «коллективные идентичности», призванные сломать границы тех систем¹⁴, против которых осуществляется этот протест.

Разбирая эти определения, нетрудно заметить, что исследователи часто не уделяют внимания методологическим вопросам социальной теории, рассматривают это движение как бы само по себе, не различая родовых и видовых определений, не отличая функций от причин, видов протеста от форм их проявления, анализируют протест, не вписывая его в более глобальную теорию общества.

Мы, напротив, пытаемся представить социальную теорию протестного движения в рамках широкого коммуникативного подхода и рассматриваем протест как специфический вид коммуникации, локализованной на общественном уровне – более абстрактном, нежели уровень организаций (с уставными правилами членства и соответствующими прерогативами) и уровень интеракций (простейших коммуникативных систем, предполагающих личное общение *face-to-face*). В этом смысле ни взаимное выражение недовольства, ни формально организованная активность не являются (или, по крайней мере, не исчерпываются) протестом в нашем понимании этого движения. Для коммуникативной интерпретации протеста обратимся к ключевым понятиям системно-коммуникативной теории.

4. Протестное движение – самореференция, самовалидация, автопоэзис

Коммуникативная теория протеста исходит из недостаточности тривиальных каузальных объяснений, где тот или иной социальный феномен или факт может быть объяснен как следствие ряда предшествующих событий, рассматриваемых как его причины. Но всякое событие, при необозримом множестве его условий, является в высшей степени *невероятным*, и ссылка на некоторое «предшествующее» («существенное», «достаточное», «необхо-

¹⁰ Tilly C. *Social Movements, 1768–2004*. L., 2004.

¹¹ Castells M. *The power of identity*. Oxf., 1997. P. 3.

¹² Eyerman R., Jamison A. *Social Movements. A Cognitive Approach*. Camb., 1991. P. 3.

¹³ Meyer D.S. *Protest and political opportunities // The Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 125–145.

¹⁴ Melucci A. *The symbolic challenge of contemporary movements // Social Research*. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 789–815.

димое») явление представляла бы в виде произвола наблюдателя. Это общее методологическое замечание подводит нас к тому, чтобы рассматривать такую форму социальности как протест, основываясь на *индетерминистской* концепции автопоэзиса, с точки зрения которой протест выступает причиной самого себя, как самовоспроизводящаяся система коммуникаций. При этом зависимость от внешних факторов оказывается достаточно *случайной*.

Такое определение протеста предлагает, например, британский исследователь Христиан Фухс. Он пишет о том, что «может не существовать каких-то специальных социальных условий (таких, как депривация или ресурсная мобилизация), которые автоматически приводят к возникновению протеста. Появление социальных движений не определяется влиянием какого-то одного фактора, но представляет собою сложный результат кризиса, ресурсной мобилизации, когнитивной мобилизации, самопроизводства. Тогда как поиск сингулярных законов возникновения движения – это выражение одномерного, линейно детерминистского мышления»¹⁵.

Из цитаты видно, что радикальный протест может быть спровоцирован даже самым незначительным событием-триггером, и, напротив, фундаментальные структурные деформации (влекущие личные депривации и социальное недовольство) могут и не породить протестной активности. Он – причина самого себя в том же смысле, в каком всякая форма коммуникации, образуемая в ходе дифференциации функциональных систем, не имеет внешних причин, а должна рассматриваться в эволюционном смысле, как реализация представляющейся эволюционной возможности, а не как функциональный ответ на вызов. Лишь сама протестная коммуникация порождает протестную коммуникацию.

В этом смысле то, что принято называть «социальными проблемами», в каком-то смысле является не причинами, а следствиями протеста, который «высвечивает» и «обостряет» (и в этом состоит «катализационная» функция протеста) то, что само по себе никогда бы не стало центром общественного обсуждения¹⁶.

Система политической коммуникации (впрочем, как и ранее утвердившиеся формы коммуникации), с одной стороны, и протестная коммуникация, с другой, находятся в *структурном сопряжении*¹⁷. Это значит, что событие в некоторой одной сфере (распоряжение власти, строительство предприятия), являясь элементом данной системы (и событием в ее истории) коммуникаций, одновременно представляет собой вызов и событие-триггер в рамках другой системы при том, что обе эти коммуникативные системы сохраняют взаимную системную автономию.

¹⁵ Fuchs Ch. The Self-Organization of Social Movements // Systemic Practice and Action Research. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 111.

¹⁶ Japp K.P. Selbsterzeugung oder Fremdverschulden. Thesen zum Rationalismus in den Theorien sozialer Bewegungen // Soziale Welt. 1984. No. 35. S. 313–329.

¹⁷ О понятии структурных сопряжений или сцеплений см.: Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопр. философии. 2017. № 7. С. 156.

5. Протест как манифестация реальности в наблюдении других коммуникативных систем

Реальность внешнего мира представлена в коммуникациях в виде *тем*. Темы замещают реальность, но не являются ею, ведь коммуникация всякой темы остается коммуникацией. Но в этой дистинкции *тема/реальность* нет жесткой корреляции между образующимися сторонами. Реальность такова, какова она есть, а темы зависят от специфической наблюдательной перспективы, внимания, интереса и настроения наблюдателя. Тем не менее именно и исключительно темы манифестируют реальность, отсылают к реальности, если последнюю понимать не онтологически, а в смысле Мангейма, как «опыт сопротивления», с которым вынуждены считаться другие коммуникативные системы, и не в последнюю очередь система политики.

Темы, которые генерирует протестное движение, как бы подменяют собственно природу и людей, которые в нормальном случае (если они не попадают в наблюдательный сектор протеста) политика бы просто не замечала по причине свойственного и ей *самореференциального автопоэтического устройства*: ведь ключевым интересом в принятии коллективно-обязательного (т. е. политического) решения является не внешний мир политики (люди, экология), а внутренние политические резоны – прежде всего необходимость учитывать условия переизбрания, переназначения, карьерные перспективы, «ранее принятые» и «выше принятые» распоряжения.

Этот свойственный политике наблюдательный дефицит восприятия реальности, собственно, и компенсируется протестом, заставляющим считаться с отобранными им темами и не позволяет политике замкнуться в ее волонтаризме и позитивных самооценках, когда результаты всех политических решений представляются в самоописаниях политической системы как исключительно успешные (как свидетельствует египетская традиция, фараоны выиграли все войны). То, что вследствие системных сцеплений темы протеста оказываются темой (т. е. «реальностью как опытом сопротивления») в том числе и политической коммуникации, возможно, следует рассматривать как важнейшую точку кристаллизации протеста. Апеллируя к реальности протестной темы, протестная коммуникация вовсе не делегирует ее решение и рассмотрение политике, но, напротив, лишь укрепляет собственную коммуникативную автономию. Интересно, что здесь протестное движение взывает к тем же доводам, что и наука.

Последняя, как известно, защищает свою автономию тем, что утверждает истину своих высказываний как образ *реальности*, т. е. того, с чем никакая политическая инстанция поделать ничего не может при всем желании. Можно административно и экономически определять выбор темы научных исследований, но нельзя определять истинностные значения научных суждений. Но и протестная коммуникация, в свою очередь, защищает «реалистичность» своей темы, снабжая свои предложения не *индексом истинности*, а *индексом опасности*. Этот индекс указывает не столько на объективную, сколько на *угрожающую* природу тематизируемой реальности. Этим, кстати, она (в отличие от научной коммуникации) освобождает себя от необходимости обосновывать свои прогнозы¹⁸, как и от необходимости предлагать альтернативные решения. Протест всегда формулирует «альтернативы без альтернатив»: вспомним протестные лозунги «Хватит производить атомную энергию», «Хватит кормить Кавказ» как стандартные примеры безальтернативного отклонения фактичности.

¹⁸ Ведь даже если подтверждение прогноза маловероятно, с таким опасным прогнозом все равно приходится считаться.

Эти провозглашаемые в протесте темы опасности и предметы страха (опасений, алармизма), на первый взгляд, подразумевают *реактивное* понимание протеста, что возвращало бы нас к идее тривиальной каузальности – дистинкции *следствия/причина*, где социальная проблема (тема, предмет протеста) и понималось бы как его причина, а сам протест истолковывался бы как *следствие-реакция-ответ на вызов*. Однако, как мы покажем ниже, эта протестная каузальность имеет круговой и обратный характер.

6. Социальные движения и их враги: проактивная детерминация протеста

Все протестные темы выстроены по схеме *социальная проблема/решение*, решение, которого, правда, протестующие ожидают от других систем. На первый взгляд дело выглядит так, что именно проблема (структурная деформация, несправедливое распределение, подавление идентичности и т. д.) вызывает к жизни протестное движение. В этом и состояло традиционное *реактивное* понимание протестного движения. При более тщательном анализе, однако, дело предстает несколько иным. Именно то или иное *решение*, т. е. коммуникация по поводу некоторой темы, «поднимает», «высвечивает» и в этом смысле *создает* проблему. В этом состоит новое *проактивное* понимание протестного движения.

Конечно, заявление о том, что, скажем, движение в поддержку стран третьего мира вызывает голод в этих странах, выглядело бы странным. И все-таки это печальное явление получает каузальное значение (*causal power*) и массмедийный резонанс именно благодаря соответствующему движению. Используя идею Дюркгейма, можно сказать, что этот голод становится «социальным фактом», а значит, в каком-то смысле и возникает как «объективная реальность» первоначально в наблюдательной перспективе протестного движения.

И все-таки даже такое понимание *проактивного* характера протеста выглядит триумфом. Впрочем, у проактивной концептуализации движения протеста имеется и иное каузальное измерение. Движение протеста тематизирует (вызывает и конструирует) проблему, которую оно желает устранить, не только конструктивно, т. е. *путем ее наблюдения* в собственной перспективе, но и тем, что *эскалирует* ситуации и зачастую усугубляет проблему. В частности, неонацизм (как идеология, мимикрирующая под теорию), как бы негативно к нему ни относились, трансформирует невнимание к национальным идентичностям в «социальный факт», но одновременно делает неприличной саму тематизацию национальных особенностей, тем самым эскалируя остроту данного противоречия и усугубляя проблему национальной идентичности, делая ее неразрешимой и зачастую недоступной для рационализации.

Итак, мы отказываемся от проблемно-реактивного подхода, согласно которому генезис протестного движения следовало бы объяснять отсылкой к функциональному ответу на появляющуюся задачу. Проактивный подход исходит из того, что функциональная дифференциация современного общества (и от-дифференция системы протестной коммуникации как ее следствие) генерирует проблемы, а не отвечает на них¹⁹.

¹⁹ В анализе органических систем никому и никогда не приходило в голову, что эволюцию новых формы органической жизни, растений и животных, следовало бы понимать как ответ на функциональную вызов, как если бы растительный фотосинтез решал бы актуальную задачу производства кислорода, так необходимого для прочих форм органической жизни. Почему с коммуникативными системами должно быть по-другому?

Фундаментализм делает зримым гомогенизацию культурной жизни, даже в каком-то смысле ускоряет ее; является не просто ее следствием, но и проявлением. В свою очередь, и альтернативные субкультуры создают трудности встраивания собственных членов в наличные системные структуры (молодому человеку с «ирокезом» труднее пройти интервью работодателя) и в этом смысле конструируют и реифицируют препятствия для самореализации своих приверженцев, а затем могут рассматривать себя как некий абсентеистский ответ на «объективные» препятствия для самореализации (интеграции, карьерного роста) своих адептов в рамках существующих институтов.

Именно в наблюдательной перспективе протеста интеграция затруднена и вызывает абсентеизм. В этом смысле и феминистское движение представляет оппресией то, что раньше оппресией, очевидно, не считалось и потому не являлось. Требуется наблюдатель, из перспективы которого подавление и становится подавлением (чем-то неестественным, негативным, аномальным и, в конце концов, морально предосудительным)²⁰, а не естественным устройством и следствием «естественного» половозрастного разделения функций и статусов.

И в этом смысле социальные движения проактивны, так как генерируют проблемы, но затем в своих самоописаниях истолковывает себя как *реактивные*, как отвечающие на самосозданную задачу. Другими словами, ключевую для анализа протеста дистинкцию *реактивное/проактивное* следует рассматривать скорее как единство, а не различие. Всякий протест есть всегда и то, и другое. Именно протест проблематизирует и денормализует естественный ход событий, который тут же утрачивает свое качество естественности и нормальности, опрокидывая одновременно новый взгляд на реальность, в том числе и на *прошлое*.

Отныне и прошлое ранее кристаллизировавшейся как бы «естественной» коммуникации, где мужчины подавляли женщин, а белые – черных, понимается как несоответствующее нынешним ожиданиям и в этом смысле – «плохое». В этом смысле протест (в числе прочего) отвечает и за формирование нововременной дистинкции-императива *плохое прошлое/лучшее будущее*. Как пишет Ник Кросли, «в некоторых случаях напряжение будет сохраняться в течение десятилетий (и даже тысячелетий. – А.А., Р.Б.), сменяясь периодом формирования протестного движения тогда, когда это сделает возможным изменение в возможностях или ресурсах»²¹.

Так, дистинкция *проактивное/реактивное* сопрягается с обсуждавшейся выше дистинкцией *opportunity/structural problems*, которая разделила исследователей протеста на два лагеря (см. выше параграф о структурно-критическом и ресурсно-мобилизационном подходах к протесту). Отсюда вывод, что протест не является ни исключительно проактивным, ни исключительно реактивным и не может истолковываться ни исключительно как ответ на *структурные проблемы*, ни исключительно как реализация открывшейся *возможности*. Лишь *синтетическое* применение двух означенных дистинкций, понимаемых как единства, а не различия, делает возможным описание генезиса протеста.

Открывшаяся возможность (как следствие функциональной дифференциации) *проактивно* создает протестную тему и одновременно *реактивно* отвечает на нее как на *структурную проблему* общества, истолковывая данную структурную проблему как существовавшую и в далеком прошлом и ждущую своего часа, чтобы быть, наконец, решенной благодаря протесту.

²⁰ Такое проактивное понимание протеста нисколько не умаляет достижения протестного движения женщин в борьбе за свои права.

²¹ Crossley N. Making Sense of Social Movements. Buckingham; Philadelphia, 2002. P. 188.

В этом смысле перестройка в СССР была и ответом на *структурные проблемы* (имущественную стратификацию между номенклатурой и гражданами), и реализацией *новых возможностей*, связанных с развитием новых медиа и общим ослаблением режима, причем именно перестройка во многом *проактивно* усугубляла структурные проблемы, и именно она создала то несоответствие между ожиданиями и фактическим устройством общества, которое *реактивным образом* радикализировало протест против советского режима.

Вместо заключения: неинституциональный характер российского протеста как универсальное свойство социального движения

Основываясь на вышесказанном, проблему *обратной детерминации*, которую мы ставили применительно к отдельным видам (темам) протеста, можно поставить и применительно к специфически российской реализации дистинкции *протест/структурные проблемы*.

Выступают ли структурные проблемы российского общества действительными причинами российского протеста? Или само российское протестное движение (в первую очередь, конечно, движение А. Навального) и генерирует структурные проблемы и в этом смысле предстает как такая структурная проблема и, значит, несет угрозу национальной стабильности?

Возникшая и стремительно завоевывающая регионы организация предвыборных штабов Навального демонстрирует известное *структурно-институциональное* несоответствие. Возникают институты, мимикрирующие под традиционную политическую структуру – предвыборного штаба, функция которого никак не связана с декларируемой (электоральной) задачей. Под вывеской традиционного политического института стремительно вызревает новая коммуникативная система, вносящая возмущение в традиционные коммуникативные взаимосвязи: так, региональные муниципалитеты вынуждены согласовывать митинги, поскольку их несогласование лишь эскалирует протестную активность. Наличные политические опции не позволяют оптимально реагировать на протест. И именно в этом состоит структурная проблема, которую генерирует и одновременно призвано решить протестное движение Навального.

Несколько обобщая, можно утверждать, что российская политическая система не может найти адекватного ответа на то обстоятельство, что сами порождаемые протестом структурные проблемы становятся неснимаемым сопровождающим элементом современного общества, и в этом смысле – в самой своей аномальности, неинституционализированности – являются нормальными²².

Итак, протест как коммуникация, критически наблюдающая общество (другие системные коммуникации), как только он приобретает систематическую форму и нормализуется, и сам превращается в главную структурную проблему общества, т. к. именно в его перспективе общество не соответствует его представлению, создает опасности и риски для себя самого, но само эти опасности увидеть не может. И именно этим он препятствует автономным системам (политике, хозяйству, религии и т. д.) дальше осуществлять свой автономный автопоэзис.

²² Кризисное самописание есть способ наблюдения обществом себя самого, и протест является и средством наблюдения этого кризиса, и реакцией на это самонаблюдение.

Дело усугубляется тем, что современный конфликт принципиально не институционализирован. Протестное движение в России совсем не случайно не вписывается в институциональные формы. Это не является результатом злой воли президента или политического истеблишмента. Парадоксальным образом, неинституционализированность и несистемность российского (как и любого другого) протеста представляет собой его системное свойство, поскольку обеспечивает главные условия его воспроизводства – всепроникаемость и неуничтожимость. Ликвидация предвыборного штаба или фонда ФБК означала бы лишь ликвидацию организации или института, тогда как протестное движение сущностным образом локализуется и кристаллизуется на гораздо более абстрактном уровне, а не рекрутируется из членов той или иной организации.

Как справедливо замечает Хабермас, конфликты «выражаются в суб-институциональных или, по крайней мере, внепарламентских формах протеста; вопрос заключается... в защите и восстановлении находящегося под угрозой исчезновения образа жизни»²³. Что же означают эти культурно значимые «способы жизни», которые – в неинституционализированной и в непарламентской форме – защищает (и одновременно генерирует) российский протест? Представляется, что неинституционализированность и несистемность российского протеста прежде всего вытекает из его *тематической специфики*²⁴. Российское протестное движение, помимо воли Навального, кристаллизуется вокруг нескольких культурно- и идентификационно-значимых тем. Речь идет прежде всего о *национализме, антииммигрантских и антикавказских настроениях* и о *неприятии чужого богатства*. То, что интерпретируется в традиционных системных терминах *борьбы с коррупцией, бюрократией, в требованиях юридической защиты фундаментальных прав* граждан и т. д., на самом деле является некой институциональной ширмой для выражения и защиты традиционных российских *ways of life* (Хабермас), а именно традиционного для России неприятия индивидуального богатства, частной собственности и чужой культуры. Такого рода, очевидно, культурные, а не социально-экономические установки (*темы*) протеста не могут (во всяком случае, пока обозначенные темы будут доминировать в общественных настроениях) получить достаточную – партийную, парламентскую – институционализацию и обречены сохранять маргинальный, несистемный и в этом смысле – *неустрашимый* характер.

Другими словами, абсорбирование российского протеста в политическую систему и обретение поддержки со стороны бизнеса и политической власти потребует существенного смягчения «культурно-идентификационной» программы протеста. Но именно в этом случае он и перестанет быть протестом, а интегрируется в русло системной политической конкуренции. Пока протест остается протестом, он, согласно самому своему сущностному определению «альтернативы без альтернативы», не способен сформулировать альтернативу – партийную программу.

²³ Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. II. Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason. Boston, 1987. P. 382.

²⁴ Подробнее см.: Бараш П.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 18–33.

Список литературы

Антоновский А.Ю. Социоэпистемология. О пространственно-временном и коллективно-личностном понимании общества. М.: Канон, 2011. 400 с.

Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // *Вопр. философии*. 2017. № 7. С. 154–167.

Бараиш Р.Э., Антоновский А.Ю. Радикальная наука. Способны ли ученые на общественный протест // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 2. С. 18–33.

Castells M. The power of identity. Oxf.: Blackwell, 1997. 560 p.

Coleman J. Weber and the Protestant Ethic // *Rationality and Society*. 1989. No. 1. P. 291–294.

Crossley N. Making Sense of Social Movements. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 2002. 220 p.

Eyerman R., Jamison A. Social Movements. A Cognitive Approach. Camb.: Polity Press, 1991. 190 p.

Fuchs Ch. The Self-Organization of Social Movements // *Systemic Practice and Action Research*. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 101–137.

Habermas J. Protestbewegung und Hochschulreform. Frankfurt a/Main: Suhrkamp, 1969. 270 S.

Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. II: Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason / Trans. by Th. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 457 p.

Japp K.P. Selbsterzeugung oder Fremdverschulden. Thesen zum Rationalismusinden Theorien sozialer Bewegungen // *Soziale Welt*. 1984. No. 35. S. 313–329.

McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Camb.: Cambridge University Press, 1996. 446 p.

Melucci A. The symbolic challenge of contemporary movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 789–815.

Meyer D.S. Protest and political opportunities // *The Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30. P. 125–145.

Tilly C. Social Movements, 1768–2004. L.: Routledge, 2004. 262 p.

Touraine A. An introduction to the study of social movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52. No. 4. P. 749–787.

A study of social movements from the systemic communication standpoint: is a scientific theory of political protest possible?*

Raisa Ed. Barash

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS. 24/35, 5 Krzhizhanovskii Str., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: raisabarash@gmail.com

Alexandr Yu. Antonovsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: antonovski@hotmail.com

The present paper is a study of the causes and forms of contemporary protest movement. The authors carefully explore the theoretical language employed in the description of protest movement and examine the social functions and dysfunctions of protest, as well as the connection between extra-parliamentary activism and the traditional institutions of modern society. What makes Russian protest so specific as compared to other social

movements around the world? One observation clearly stands out: the new types of self-organization are based on **modern communication media and technologies, including** the social networks whose importance has long been underestimated. It is therefore logical to subject the influence exerted by social media on the development of social movements to particularly stringent analysis before proposing a tentative model of protest movement in terms of communication theory. Further on, the authors raise several questions aiming to determine the substantiality of protest movement: whether it is an ‘interactive rhizomatic network’ or rather a form of collective action, and, if so, whether such collective action is a product of modified collective consciousness and must therefore be regarded as derivative from the plurality of deviant opinions and beliefs? Another problem which merits close attention is whether protest movement is to be considered a new variety of political conflict, or, to take another perspective, whether it can be understood as a kind of collective creativity or rather a previously unobserved form of emerging new (or old, but undergoing transformation) institutions. Can the protest be interpreted as a manifestation of the so-called ‘civil society’? The present authors give a negative answer to these questions; they suggest that the essential and unprecedented characteristic of protest movement is the way it attempts to solve social problems without regard to institutions, organization, politics, or parliamentarism.

Keywords: protest movement, social theory, communication, society

References

Antonovsky, A.Yu. *Sotsioepistemologiya. O prostranstvenno-vremennom i kollektivno-lichnostnom ponimanii obshchestva* [Socio-Epistemology: towards the spatial-temporal and collective-personal dimensions of society]. Moscow: Kanon Publ., 2011. 400 pp. (In Russian)

Antonovsky, A.Yu. “Nauka kak obshchestvennaya podsystema. Niklas Luman o mekhanizmax sotsial’noi evolyutsii znaniya i istiny” [Science as a social subsystem. Niklas Luhmann about mechanisms of social evolution of knowledge and truth], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 7, pp. 154–167. (In Russian)

Barash, R.E. & Antonovski, A.Yu. “Radical’naya nauka. Sposobny li uchenyye na obshchestvennyy protest?” [Radical science. Are the scientists capable of social protest?], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 55, No. 2, pp. 18–33. (In Russian)

Castells, M. *The power of identity*. Oxford: Blackwell, 1997. 560 pp.

Coleman, J. “Weber and the Protestant Ethic”, *Rationality and Society*, 1989, No. 1, pp. 291–294.

Crossley, N. *Making Sense of Social Movements*. Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 2002. 220 pp.

Eyerman, R. & Jamison, A. *Social Movements. A Cognitive Approach*. Cambridge: Polity Press, 1991. 190 pp.

Fuchs, Ch. “The Self-Organization of Social Movements”, *Systemic Practice and Action Research*, 2005, Vol. 19, No. 1, pp. 101–137.

Habermas, J. *Protestbewegung und Hochschulreform*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1969. 270 S.

Habermas, J. *The Theory of Communicative Action*, Vol. II: Lifeworld and System: a Critique of Functionalist Reason, trans. by Th. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 457 pp.

Japp, K.P. “Selbsterzeugung oder Fremdverschulden. Thesen zum Rationalismusinden Theorien sozialer Bewegungen”, *Soziale Welt*, 1984, No. 35, S. 313–329.

* This article has been prepared for publication with the financial support from the Russian Science Foundation, Project No. 17-78-10238, “New forms of social communication and radicalism under information society. An analysis of systemic communication”.

McAdam, D., McCarthy, J.D. & Zald, M.N. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 446 pp.

Melucci, A. "The symbolic challenge of contemporary movements", *Social Research*, 1985, Vol. 52, No. 4, pp. 789–815.

Meyer, D.S. "Protest and political opportunities", *The Annual Review of Sociology*, 2004, Vol. 30, pp. 125–145.

Tilly, C. *Social Movements, 1768–2004*. London: Routledge, 2004. 262 pp.

Touraine, A. "An introduction to the study of social movements", *Social Research*, 1985, Vol. 52, No. 4, pp. 749–787.